

МОРСКОЙ ВОЛК

ГЛАВА I

Не знаю, право, с чего начать, хотя иногда, в шутку, я сваливаю всю вину на Чарли Фэрасета. У него была дача в Мишл-Вэллей, под сенью горы Тамальпе, но он проводил в ней время только в зимние месяцы, когда читал Ницше и Шопенгауера, чтобы дать отдых своему мозгу. Когда наступало лето, он предпочитал страдать от жары и пыли в городе и работать, не покладая рук. Не будь у меня привычки навещать его каждую субботу и оставаться у него до утра понедельника, я не очутился бы в это именно утро январского понедельника на водах бухты Сан-Франциско.

Нельзя сказать, чтобы «Мартинец» был надежным судном; это был новый маленький пароходик, совершавший свой четвертый или пятый рейс между Саусалито и Сан-Франциско. Опасность грозила со стороны покрывавшего всю бухту тяжелого тумана, хотя я, как человек сухопутный, почти не догадывался об этом. Я хорошо помню, как спокойно и радостно я расположился на верхней передней палубе, под самой рубкой рулевого и любовался таинственными клубами этого тумана, овладевшего моим воображением. Дул свежий бриз, и некоторое время я был один среди сырости и мрака — впрочем, и не совсем один, так как я смутно сознавал присутствие рулевого и еще кого-то, по-видимому капитана, в стеклянной будке над моей головой.

Помню, я размышлял о том, как хорошо, что, благодаря разделению труда, я не обязан изучать туманы, ветры, приливы и всю морскую науку, если хочу навесить друга,

живущего по ту сторону морского рукава. Хорошо, что существуют специалисты, — думал я. Профессиональные знания рулевого и капитана обслуживают тысячи людей, знающих о море и мореплавании не больше моего. Вместо того, чтобы отдавать свою энергию на изучение множества вещей, я сосредоточиваю ее на немногих специальных вопросах, как, например, на разборе места, занимаемого Эдгаром По в американской литературе. Кстати, моя статья об этом напечатана в последнем номере «Атлантика». Проходя после посадки на пароход через каюту, я с удовольствием заметил какого-то плотного джентльмена, читавшего номер «Атлантика», раскрытый как раз на моей статье. В этом опять сказывалось разделение труда: специальные знания рулевого и капитана давали плотному джентльмену возможность читать плоды моих специальных знаний о По и в то же время безопасно переправляться из Саусалито в Сан-Франциско.

Какой-то краснолицый человек, хлопнув дверью каюты за моей спиной и выбравшись на палубу, прервал мои размышления, и я успел только мысленно отметить тему для моей будущей статьи, которую мне захотелось назвать «Необходимость свободы. Слово в защиту художника». Краснолицый человек взглянул на рулевую рубку, посмотрел на окружающий туман, проковылял назад и вперед по палубе — очевидно, у него были искусственные ноги — и остановился рядом со мной, широко расставив ноги и с выражением полного блаженства на лице. Я оказался прав, когда решил, что он свою жизнь провел на море.

— От такой погоды волосы могут посесть, — сказал он, кивая в сторону рулевой рубки.

— Мне кажется, что особых затруднений нет, — ответил я. — Дело капитана просто, как дважды два — четыре. Компас дает ему направление; расстояние и скорость также известны. Тут простая математическая достоверность.

— Затруднения! — проворчал мой собеседник. — Просто, как дважды два — четыре! Математическая достоверность!

Глядя на меня, он как будто искал для себя точки опоры.

— А что вы скажете об отливе, стремящемся сквозь Золотые Ворота? — спросил, или вернее, пролаял он. — Быстро ли падает вода? Какие возникают течения? Прислушайтесь-ка, что это? Мы лезем прямо на колокольный буй! Видите, они меняют курс.

Из тумана донеслись заунывные удары колокола, и я увидел, как рулевой быстро завертел колесо. Колокол, находившийся, казалось, впереди, звучал теперь сбоку. Слышен был хриплый гудок нашего пароходика, и время от времени из тумана доносились другие гудки.

— Это тоже пассажирские пароходы, — заметил краснолицый человек, указывая вправо, в сторону последнего гудка. — А это! Слышите? Просто — рупор. Верно, какая-нибудь плоскодонная шхуна. Эй, не зевайте там, на шхуне!

Невидимый пароходик гудел без конца, и рупор вторил ему, казалось, в страшном смятении.

— Вот теперь они обменялись любезностями и стараются благополучно разойтись, — продолжал краснолицый человек, когда тревожные гудки прекратились.

Его лицо сияло, и глаза горели восхищением, когда он переводил на членораздельный язык звуки рупоров и сирен.

— Вот теперь слева проходит паровая сирена, а слышите — вон там кричит какая-то паровая шхуна, как будто лягушка квакает. Она, кажется, очень близко и ползет навстречу отливу.

Резкий звук свистка, который неистовствовал, как сумасшедший, раздался где-то совсем близко впереди. На «Мартинце» ему ответили ударами гонга. Колеса нашего парохода остановились, их пульсирующие удары замерли, но потом возобновились. Резкий свисток, напоминавший стрекотанье

кузнечика среди голосов крупных животных, пронизывал туман, отклоняясь все больше в сторону и быстро ослабевая. Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Какой-то отчаянный баркас, — пояснил он. — Прямо, стоило бы потопить его! От них бывает много бед, а кому они нужны? Какой-нибудь осел заберется на такую посудину и носится, сам не зная зачем, надрывая свисток и заставляя всех на свете заботиться о себе! Скажите пожалуйста, важная птица! А вам приходится из-за него смотреть в оба! Право свободного пути! Необходимая порядочность! Они не отдадут себе отчета во всем этом!

Этот ничем не оправдываемый гнев очень позабавил меня, и в то время, как мой собеседник возмущенно ковылял взад и вперед, я снова отдался романтическому обаянию тумана. Да, в этом тумане, несомненно, была романтика.словно серая тень неизмеримой тайны, повис он над бурлящим кусочком земного шара. А люди, эти сверкающие атомы, гонимые ненасытной жаждой деятельности, мчались на своих деревянных и стальных конях сквозь самое сердце тайны, ощупью находя свой путь в незримом, и беседовали с напускным спокойствием, в то время как их души дрожали от неуверенности и страха.

Голос моего спутника вернул меня к действительности и заставил усмехнуться. Ведь я сам блуждал ощупью, тогда как думал, что мчусь уверенно сквозь тайну.

— Эге! Кто-то идет нам навстречу, — сказал он. — Слышите, слышите? Он приближается быстро. Идет прямо на нас. Кажется, он еще не услышал нас. Ветер относит.

Свежий бриз дул прямо в нашу сторону, и я ясно слышал свисток сбоку и немного впереди нас.

— Тоже пассажирский? — спросил я. Краснолицый человек кивнул и добавил:

— Да, иначе он не несся бы так, сломя голову. Гм, наши там забеспокоились!

Я посмотрел вверх. Капитан высунул голову и плечи из рулевой рубки и напряженно всматривался в туман, как будто стараясь силой своей воли проникнуть сквозь него. Лицо его отражало тревогу, также как и лицо моего спутника, который проковылял к перилам и внимательно смотрел в сторону невидимой опасности.

Все произошло с непостижимой быстротой. Туман раздался в стороны, будто разрезанный лезвием, и выступил нос парохода, тащивший за собой клочья тумана, словно водоросли на морде Левиафана. Я разглядел рулевую рубку и высунувшегося из нее белобородого старика. Он был одет в синюю форму, и я помню, с каким непоколебимым спокойствием он держался. Его спокойствие при этих обстоятельствах было ужасно. Он подчинился судьбе, шел рука об руку с нею и холодно измерял удар. Он смотрел на нас, как бы рассчитывая точку, где должно произойти столкновение, и не обратил никакого внимания на яростный окрик нашего рулевого: «Вы сделали свое дело!»

Оглядываясь в прошлое, я вижу, что фраза рулевого, по своей очевидности, и не требовала ответа.

— Держитесь за что-нибудь, — сказал мне краснолицый человек.

Его жизнерадостность слетела с него и, по-видимому, он заразился тем же сверхъестественным спокойствием.

— Послушайте, как женщины будут визжать, — сердито, почти злбно сказал он, как будто ему уже раньше приходилось это наблюдать.

Суда столкнулись прежде, чем я успел воспользоваться его советом. По-видимому, встречный пароход ударил нас в середину борта, хотя я этого не видел. Это было вне поля моего зрения. «Мартинеца» сильно качнуло, и послышался треск ломающегося дерева. Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще подняться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неопиcуемый, душераздирающий вопль,